

Гораций *«был» irasci celer.*²⁰ Он никогда не прощал авторам, наводившим скуку» (т. 10, стр. 119).

Возникновение русской темы в художественном творчестве Вольтера не являлось чем-то неожиданным. В связи с Семилетней войной русская тема нашла самый широкий отклик во всех европейских странах. Характерно, однако, что Вольтера заинтересовала в данном случае не русская тема вообще, а тема русского мыслителя и писателя. Если замыслу Вольтера хоть в какой-либо мере соответствовала реальность, то она, несомненно, была связана с личностью и образом Ломоносова. И место рождения, и упорство в преодолении трудностей, и принципиальность изображенного Вольтером русского писателя вполне совпадают с теми сведениями о Ломоносове, которые в то время уже начали проникать в западноевропейскую печать.

Вольтер, разумеется, не ставил перед собой цели добиться портретного сходства образа Ивана Алетова с Ломоносовым, поскольку главной задачей памфлета «Русский в Париже» была борьба с клерикальной реакцией во Франции. Вместе с тем, создавая образ положительного героя, представителя самобытной русской культуры, Вольтер едва ли мог не вспомнить оригинальную фигуру выдающегося русского писателя и ученого — Ломоносова. Вольтер хорошо понимал, что Ломоносов — самое выдающееся явление русской культуры своего времени, тогда как Шувалов, Воронцов, Салтыков и другие, которыми Вольтер не переставал восхищаться, при всех их достоинствах — явления второстепенные.

И вместе с тем великий французский просветитель не мог быть доволен «вмешательством» Ломоносова в работу над «Историей Российской империи при Петре Великом». Вольтеру казалось, что критика петербургских ученых помешает своевременному и успешному завершению его труда.

В апреле 1760 года, как уже указывалось выше, Вольтер отправил в Петербург на одобрение первый том своего труда. В ожидании замечаний на него из Петербурга, 9 августа 1760 года Вольтер писал к де Мэрану: «Я совсем не хотел выпускать в свет этот том, не выставив его предварительно на критику ученых из Архангельска и Камчатки» (т. 40, стр. 498). В этих словах отразилась, на мой взгляд, тревога Вольтера в связи с ожидаемыми им критическими замечаниями Ломоносова и Миллера на «Историю Российской империи при Петре Великом». Ответ из Петербурга был получен Вольтером только в начале 1761 года. Замечания Ломоносова, как и замечания

²⁰ Вспыльчив